

DOI 10.25991/VRHGA.2023.3.3.042

УДК 1(091)

*С. Н. Корсаков, А. В. Черняев**

**К 80-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ ПЕРВОЙ В СССР
«ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ»
ПРОЕКТ РУССКОГО ТОМА В СОСТАВЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
«ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ» 1943 Г. И ФОРМИРОВАНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО
САМОСОЗНАНИЯ В СССР
(Статья вторая)**

(Статья первая опубликована во втором выпуске Вестника РХГА за 2023 г.)

На основе впервые привлекаемых к рассмотрению исторических источников предпринимается попытка реконструкции истории создания, содержания и трансформации концепции, а также дальнейшей судьбы посвященного истории русской философии VI тома в составе академической «Истории философии», который готовился в Институте философии АН СССР в годы Великой Отечественной войны. Приводятся новые сведения об организации и ходе работы над томом, сроках подготовки материалов, распределении текстов по авторам и редакторам, процессе обсуждения и апробации полученных результатов работы. Эволюция концепции тома от «Истории философии народов СССР» к «Истории русской философии» рассматривается в контексте масштабной идеологической коллизии 1940-х гг., связанной с переосмыслением проблематики национального самосознания и политики исторической памяти как факторов формирования советского патриотизма. Подробно освещается содержание доклада заведующего сектором истории философии Института философии АН Б. Э. Быховского 28 декабря 1943 г., а также подготовленной на основе данного доклада текста статьи. В этих документах была представлена содержательная структура и концептуальная основа «Истории русской философии». Анализ данных источников показывает, что VI

* Корсаков Сергей Николаевич, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН; snkorsakov@yandex.ru

Черняев Анатолий Владимирович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН; Chernyaevphd@gmail.com

том давал целостную и патриотически ориентированную концепцию истории русской философии, в которой национальные черты превалировали над разделением на материализм и идеализм, а русская мыслительно-философская традиция, отсчет истории которой предлагалось вести с XV в., по основным параметрам оценивалась выше, чем западноевропейская. Выдвигается гипотеза, объясняющая причины остановки производства «Истории русской философии» в 1944 г.

Ключевые слова: История русской философии, Институт философии АН СССР, советская философия, Г. Ф. Александров, Б. Э. Быховский, З. Я. Белецкий.

Korsakov S. N., Chernyaev A. V.
TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE CREATION OF THE FIRST IN THE USSR
«HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY»
FORMATION OF NATIONAL HISTORICAL
AND PHILOSOPHICAL SELF-CONSCIOUSNESS:
PROJECT OF A VOLUME ON RUSSIAN PHILOSOPHY AS PART OF THE ACADEMIC
HISTORY OF PHILOSOPHY IN 1943 (ARTICLE TWO)

Based on historical sources brought into consideration for the first time, an attempt is made to reconstruct the history of the creation, content and transformation of the concept, as well as the further fate of volume VI, dedicated to the history of Russian philosophy, as part of the academic «History of Philosophy», which was prepared at the Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences during the Great Patriotic War war. New information is provided about the organization and progress of work on the volume, the timing of preparation of materials, the distribution of texts by authors and editors, the process of discussion and testing of the results of the work. The evolution of the concept of the volume from «The History of Philosophy of the Peoples of the USSR» to «The History of Russian Philosophy» is considered in the context of a large-scale ideological collision of the 1940s associated with the rethinking of the issues of national identity and the policy of historical memory as factors in the formation of Soviet patriotism. The content of the report of the head of the sector of the history of philosophy of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences Bernard Bykhovsky on December 28, 1943, as well as the text of the article prepared on the basis of this report, is covered in detail. These documents presented the substantive structure and conceptual basis of the «History of Russian Philosophy.» An analysis of these sources shows that volume VI gave a holistic and patriotically oriented concept of the history of Russian philosophy, in which national features prevailed over the division into materialism and idealism, and the Russian mental and philosophical tradition, the history of which was proposed to date from the 15th century, according to the main parameters was rated higher than Western European. A hypothesis is put forward to explain the reasons for stopping the production of «The History of Russian Philosophy» in 1944.

Keywords: History of Russian philosophy, Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences, Soviet philosophy, Georgy Alexandrov, Bernard Bykhovsky, Zinovy Beletsky.

В 1943 г. работа над VI томом «Истории философии», посвященным русской философии, велась в Институте философии АН СССР нарастающими темпами. В институтском отчете за первое полугодие 1943 г. сообщается, что к этой работе привлечен большой круг не только институтских, но и внешних авторов. В это период были подготовлены главы о Радищеве, Чаадаеве, Любомудрах, Грановском, Станкевиче, Писареве, Бакуanine, позитивизме, русских мыслителей-естествоиспытателях (математиках, физиках и химиках) [3, ед. хр. 121, л. 7]. 1 июля 1943 г. были заслушаны отчеты сотрудников, в ходе чего Э. Я. Кольман сообщил о ходе работы над главой о русских математиках,

открытия которых, как подчеркивалось в сообщении, были сделаны благодаря критическому переосмыслению кантианства (в частности, открытие неевклидовой геометрии Лобачевским стало возможным потому, что тот был убежденным противником априоризма Канта; а Швейкарт, склонявший Гаусса к мнению о неединственности евклидовой геометрии, мог получить эти идеи во время службы в Харьковском университете в кружке Т. Ф. Осиповского, где критиковалось кантианство) [3, ед. хр. 122, л. 12–13].

16 августа 1943 г. зав. сектором истории философии Б. Э. Быховский отчитался о проделанной подразделением работе над VI томом «Истории философии». 19 октября 1943 г. дирекция Института приняла решение считать работу по истории русской философии основным государственным заданием сектора в 1944 г. [3, ед. хр. 122, л. 33]. В конце 1943 г. были сданы отчеты секторов. В отчете сектора истории философии указывалось, что Быховский отредактировал все представленные рукописи по VI тому и написал главу «Философские взгляды Герцена». Далее сообщалось, что написаны главы: В. Ф. Асмус — «Философские взгляды Вл. Соловьева», «Философские взгляды Л. Толстого», «Университетская философия»; О. В. Трахтенберг — «Доломоновский период развития русской философии», «Материалистическая традиция русских биологов (Сеченов и Павлов)»; З. А. Каменский — «Русские шеллингианцы» (2,5 п. л.), «Славянофилы» (3 п. л.). «Панславизм Бакунина» (3,4 п. л.), «Петрашевы» (1,4 п. л.). М. А. Дынник — главу «Ломоносов» (ок. 2 п. л.) и т. д. [3, ед. хр. 132]. В отчете сектора диалектического материализма сказано, что Э. Я. Кольман сдал для VI тома главу «Мировоззрение русских математиков», М. А. Леонов — «Русский эмпириокритицизм», М. М. Розенталь — «Философские взгляды Чернышевского», П. С. Трофимов — «Бакунин» [3, ед. хр. 133]. 22 декабря 1943 г. Быховский докладывал дирекции о готовности тома, особо выделив вклад Асмуса и Каменского и поставив вопрос о возможности издания монографий, задел для которых получен в ходе этой работы [3, ед. хр. 131, л. 90 об.-91].

28 декабря 1943 г. состоялось заседание Ученого совета Института философии, где Быховский выступил с докладом о концепции тома [3, ед. хр. 131, л. 75–84]. Он сообщил, что том, объемом 55 п. л., практически готов. В фонде Института философии в Архиве РАН, имеется стенограмма заседания Ученого совета с докладом Быховского. Ни об итоговом докладе по «русскому тому» на Ученом совете, ни о тексте статьи, подготовленной затем на его основе (о ней будет сказано ниже), до сих пор не было известно. Стенограмма доклада переворачивает существующие представления о том, в каком направлении реализовывалось изучение истории русской философии на рубеже 1943–1944 гг. Выделим основные концептуальные моменты доклада.

Докладчик констатировал «совершенно неверное положение, когда мы несравненно лучше знали философские учения даже второстепенных мыслителей различных западноевропейских стран и не знали самого основного о величайших мыслителях своей собственной страны. Каждый советский философ может толково и обстоятельно рассказать об итальянских мыслителях XV–XVI вв. Он знает Пико Мирандолу, Помпонацци, он знает голландских философов XVII в. — Да-Косту, Де Руа, Гуго Гроция. Но очень немногие толком

знали, каковы были философские взгляды Феофана Прокоповича, Кантемира, Татищева, Козельского, Карамышева. Предстоящее издание «Истории русской философии» должно покончить с этим совершенно постыдным нетерпимым положением. Широкие круги русской интеллигенции получают в связанном систематическом марксистском изложении яркую картину развития отечественной философской мысли» [3, ед. хр. 131, л. 75].

Коллектив исходил из того, что его работа кладет начало истории русской философии как науки: «Положение зачинателя в данной отрасли знания неизбежно сопряжено с рядом пробелов и несовершенств в этой работе. Но нужно думать, что выход в свет этой работы положит начало разносторонним и углубленным исследованиям в этой отрасли истории философской науки. Дореволюционная историография в этой области ни в какой мере не может претендовать на название историко-философской науки. В лучшем случае наиболее солидными работами в этой области, работами Яковенко, работами Колубовского мы можем пользоваться только как библиографическими справочниками» [3, ед. хр. 131, л. 78]. Прочие истории русской философии признаются методологически несостоятельными. Концепция тома противопоставляется «нелепому» подходу Э. Л. Радлова и Г. Г. Шпета как истории ученичества у западноевропейской философии и периодизации истории русской философии как этапов этого ученичества [2, ед. хр. 1. Л. 5; 2, ед. хр. 131, л. 78]. Подобный тезис уже выдвигался в 1930-е гг. И. К. Лупполом [см.: 7].

Патриотизм рассматривается в докладе как существенная черта русской философии, которая стоит выше различия философов по линии материализм — идеализм: «Несмотря на острую борьбу направлений через большой путь развития, проделанный русской философией, на всем ее протяжении и в самых различных течениях не угасала горячая любовь к родной стране, горячий патриотизм. Причем патриотизм был не чем-то внешним по отношению к мировоззрению виднейших представителей русской философской мысли, но одним из самых основных устоев мировоззрения русских мыслителей». Патриотизм русской философии трактуется здесь не в духе какого-то шовинизма, а как «составная часть гуманистических и демократических воззрений», несовместимая с «человеконенавистническими тенденциями, с принижением других наций», нацеленная на освобождение своего народа и других народов [3, ед. хр. 131, л. 76].

Существенной особенностью русской философии объявлена «публицистичность», которая в историях русской философии Э. Л. Радлова или Г. Г. Шпета могла, напротив, рассматриваться как основание для отказа от включения той или иной персоналии в собственно историю философии. Важно не то, насколько справедливой была такая трактовка позиции прежних историков русской философии, а то, что мы имеем дело с определенной идейной установкой, о чем мы уже ранее писали [8]. В подготовленной к печати версии доклада этот тезис был усилен: «Так называемая публицистичность — не отсутствие философского мышления, а более высокая форма философского мышления, преодолевающая характерную ограниченность немецких идеологов» [2, ед. хр. 1, л. 6].

Еще одну особенность русской философской мысли, традиционно трактуемую как ее «слабость», Быховский предлагает рассматривать как, наоборот, ее

преимущество: по мысли докладчика, историческая задержка в процессе формирования русской философской культуры, обусловленная периодом монголо-татарского ига, в то же время обеспечила развитие русской философии с более высокой ступени, что позволило значительно ускорить этот процесс, придать ему более разнообразное и насыщенное содержание. В частности, таким образом русская философия была избавлена от излишнего скользящего влияния средневековой схоластики, а Просвещение в России получило возможность обогатиться элементами диалектического мышления, к тому времени разрабатываемыми представителями немецкого идеализма. [3, ед. хр. 131, л. 79–80].

Следующий тезис был частично исключен из подготовленной к печати версии доклада, — вероятно, вследствие его идеологической нетривиальности, — но в самом докладе он был заявлен отчетливо и является существенным для прокламируемого видения истории русской философии. По утверждению Быховского, не только русская философия в целом превосходит западную, но даже русские идеалисты прогрессивнее западных материалистов, потому что их творчеству также присуща важная особенность русской философии — единство теории и практики. Данный тезис докладчик иллюстрирует на примере В. С. Соловьева и Л. Н. Толстого: «Эта черта — единство теории и практики — коренным образом противопоставляющая русскую философскую мысль немецкой, проходит (правда, в извращенной форме) даже у самых крайних представителей русского идеализма и мистицизма. В главе «Владимир Соловьев» с большой убедительностью показано, что центральной темой всей идеалистической философии Соловьева является тема преобразования действительности» [3, ед. хр. 131, л. 78]. То же сказано о Толстом. В печатной версии добавлено, что даже толстовский принцип «непротивления» на деле выражает активность как протест против «современной ему политической действительности» и не имеет ничего общего с равнодушием к страданиям народа [2, ед. хр. 1, л. 15–16]. Русский идеалист ближе к диалектическому материализму, чем западный материалист, потому что несет в себе черты, общие всей русской философии. Например, русские позитивисты лучше западных в силу связи с практикой и с «оппозиционной к существовавшему режиму политической деятельностью» [2, ед. хр. 1, л. 15].

Далее — самый сильный тезис. Хотя начало русской философии относится пока что к XV, а не к X веку, автор заявляет о приоритете генезиса русской мысли по сравнению с западноевропейской: «Русская философия свое развитие начала очень рано и является, в отличие от западноевропейской философии, непосредственной и последовательной преемницей античных философских традиций. Через Византию Киевская Русь непосредственно черпала из источника античной мудрости. В то время, когда западноевропейская философия приобщалась к античной философской традиции через длительный путь, опосредованный еврейской и арабской философией, русская философская мысль вместе с греческим христианством впитывала в себя элементы античной философской культуры» [3, ед. хр. 131, л. 79]. Такое преемство дает русской мысли и еще одно первородство — от греческого христианства. Этим определяется ее миссия по сохранению классической традиции и ответственность за подлинно гуманистическое содержание культуры в целом.

Согласно сообщению Быховского, русскому славянофильству в рамках тома посвящен особый раздел, в который оказалась включена также глава о Бакуanine: «Сочетание этих двух глав в общем разделе интересно тем, что оно показывает, что панславизм не является однородной идеологией, что имеются совершенно различные формы, различные типы и по своим философским взглядам, и по своим политическим устремлениям. Такое контрастирующее сопоставление Аксакова и Бакунина чрезвычайно ярко подчеркивает возможность различных форм в идее славянского движения» [3, ед. хр. 131, л. 81]. Уделение значительного внимания представителям славянофильства и рассмотрение их наследия в достаточно конструктивном ключе, в контексте проблематики панславизма, может объясняться актуализацией темы славянского единства в годы войны, что нашло отражение в создании и деятельности Всеславянского комитета, в публикациях ставшего его органом — журнала «Славяне» (1942–1958 гг.).

В докладе также сформулирован концепт «классической русской философии» и дано определение этого понятия: «Классиками русской философии являются те философы, в творчестве которых наиболее полно и совершенно выражены лучшие черты русской философской культуры» [3, ед. хр. 131, л. 82]. При этом в качестве представителей классической русской философии предлагается рассматривать наследие русских революционных демократов. При этом тезис о русской философии как «втором источнике» ленинизма развивается Быховским даже в более радикальной форме: «Русская философская мысль совершенно самостоятельно и независимо от Маркса и Энгельса шла по пути от Гегеля, Фейербаха и утопического социализма к диалектическому материализму. Гегельянцы остановились перед историческим материализмом. Чернышевский пошел дальше, он сделал несколько шагов на пути к научному коммунизму и диалектическому материализму. У Чернышевского и Добролюбова эстетическая отрасль философии разработана более полно и разносторонне, чем она разработана у Маркса и Энгельса» [3, ед. хр. 131, л. 82]. Таким образом, если и могли быть какие-то основания для идеологических претензий к VI тому «Истории философии», то никак не в связи с недооценкой русской философии в качестве предтечи ленинизма, а как раз наоборот. В целом, русская философская традиция противопоставлена немецкой: вместо идеализма — материализм, вместо спекулятивности и созерцания — единство теории и практики, вместо консервативности — революционность, вместо недемократичности — народность [3, ед. хр. 131, л. 82].

В завершение теоретической части доклада ведется речь о русском идеализме, который представлен целым рядом персоналий. Становится понятным, что исключение идеализма из истории русской философии, которое имело место вплоть до 1980-х гг., вовсе не предполагалось изначально. Русская философия мыслилась как целостный феномен: «Мистицизм Соловьева, которым заканчивается этот раздел, в очень своеобразной, очень самобытной и уродливой форме, искаженно преломляет все те же особенности, которые вырастили русскую философскую культуру» [3, ед. хр. 131, л. 83]. Если бы издание тома состоялось, само видение русской философии получило бы иной характер, причем «видение» в данном случае можно понимать и в буквальном

смысле: тома «Истории философии» иллюстрировались литографированными портретами философов; поскольку Соловьеву посвящалась отдельная глава, то ему полагался бы и персональный портрет.

Весь концептуальный строй VI тома, как он изложен Быховским, носит программный характер, причем как с научно-исследовательской, так и с идейно-мировоззренческой точки зрения. Если использовать предложенную Гегелем классификацию исторических трудов, можно сказать, что перед нами — не столько эмпирическая, сколько теоретическая история русской философии. Доклад Быховского свидетельствует, что перед авторским научным коллективом стояла не просто задача изложения философских концепций прошлого, но прежде всего формирования новой картины развития русской мысли, исходя из исторических вызовов, с которыми драматически столкнулась наша страна после начала Великой Отечественной войны. И в этом — некая загадка доклада. Ведь определять и декларировать новую научную программу по такому идеологически значимому предмету, как история русской философии — фактически уже политическая задача, предполагающая статус академика, а не «рядового» зав. сектором академического института. Однако именно такая роль оказалась отведена Быховскому, если учесть, что на основе рассмотренного внутриинститутского доклада была также подготовлена статья для главного философского журнала страны «Под знаменем марксизма», которая должна была выйти за его подписью в одном из первых номеров за 1944 г.; рукопись этой статьи сохранилась в личном архивном фонде В. П. Потемкина [2, ед. хр. 1, л. 1–16].

Судя по всему, Быховский оказался «назначен» на роль разработчика новой концепции истории русской философии именно потому, что в 1943 г. этот предмет представлял собой достаточно опасное «минное поле» и до поры до времени научные «генералы» предпочитали оставаться за спиной зав. сектором, чтобы в случае идеологического торпедирования проекта сохранить возможность остаться в тени, как в итоге и получилось. Кандидатура Быховского вполне подходила для такой роли, учитывая его энергичность и «активный» стиль редактуры. Работавший под его началом Каменский вспоминал: «Б. Э. Быховский подверг материал радикальной переработке и унификации, так что том получился организованным по единому плану и даже стилистически единообразным. Мне пришлось работать под руководством Б. Э. Быховского вплоть до изгнания его из Института в связи с постановлением о III-м томе, и я знаю, как активна была его редактура. Он почти всегда был соавтором редактируемого текста. Хотелось бы подчеркнуть, что хотя на титуле тома значатся четыре члена редколлегии — Г. Ф. Александров, Б. Э. Быховский, М. Б. Митин и П. Ф. Юдин — и все эти имена названы первыми в списке составителей тома, только Б. Э. Быховский по-настоящему проводил редакционную работу. Остальные члены редколлегии были заняты своими партийно-государственными делами и в лучшем случае имели дело с корректурами издания» [6, с. 10–11]. И тем не менее, сказав это, Каменский признает несомненным, что характер интерпретации философских учений определялся редколлекгией, а Быховский реализовывал данные установки, хотя и генерировал многие идеи самостоятельно.

Концепция рассматриваемого тома «Истории философии» в период его подготовки неоднократно претерпевала существенные трансформации, которые отчетливо отразились прежде всего на самом названии труда: если в 1940 г. оно формулировалось как «История философии народов СССР» [10, с. 3], в 1941 — как «История философии СССР» [1], то в 1943 г. появляется формулировка «История русской философии» [3, ед. хр. 120, л. 1–3; 3, ед. хр. 131, л. 75]. Несомненно, что данная эволюция непосредственно связана с процессом пересмотра политики исторической памяти и нового наполнения понятия советского патриотизма в предвоенные годы и непосредственно во время Великой Отечественной войны. При этом необходимо учитывать, что в ходе реализации указанной политики возникали коллизии, острые столкновения идейных и методологических программ, отчетливо отразившиеся, в частности, в сфере исторических наук. Одним из основных водоразделов при этом оказались разногласия в понимании исторической роли и национального самосознания народов СССР с точки зрения формирования чувства патриотизма, наилучшим образом способного вдохновлять на борьбу с врагом.

С началом Великой Отечественной войны патриотизм и национальное самосознание стали основными в идеологической и пропагандистской повестке как у русских, так и у нерусских народов. Как известно, значительную часть своей знаменитой речи 3 июля 1943 г. Сталин посвятил необходимости укрепления дружбы народов СССР, которым предстояло сплотиться перед лицом германской агрессии и нависшей над ними угрозой фашистского порабощения. При этом, по мере развития событий, становилось очевидным, что интернациональная модель «дружбы народов» недостаточно эффективна для мобилизации военного сопротивления Гитлеру, и на смену ей постепенно приходит традиционная имперская концепция братской консолидации всех народов многонациональной страны вокруг государствообразующего великого русского народа. Это обстоятельство вскоре нашло отражение в сталинской риторике, и уже в докладе 6 ноября 1941 г. на торжественном заседании Моссовета на станции метро «Маяковская», посвященном годовщине Октябрьской революции, вождь употребил формулу «великая русская нация», поименно назвав из всех народов СССР только ее [12, с. 79.]

В результате, «хотя в первые месяцы войны о «дружбе народов» говорилось достаточно много, обращения к «советскому патриотизму» почти всегда сводились к «русским» темам», что объяснялось, не в последнюю очередь, «полным отсутствием вдохновляющих материалов на нерусские темы и тем фактом, что большая часть кровопролитных боев происходила на территориях славянских республик СССР» [4, с. 142]. Одним из результатов этой тенденции применительно к историческим наукам стало сворачивание исследований и публикаций, посвященных истории и культуре неславянских народов СССР при апологетическом пересмотре истории России и русского народа, включая периоды «царизма» и «феодализма». В этой связи показателен эпизод с «Историей Казахской ССР», которая была написана специалистами Института истории АН СССР в период эвакуации в Алма-Ате и вышла в свет в 1943 г., но, вопреки всем ожиданиям и немалым усилиям, приложенным ее создателями, не была рекомендована к номинированию на Сталинскую премию. В сложившейся ситуации руководитель

авторского коллектива зам. директора Института истории, член-корреспондент АН СССР А. М. Панкратова обратилась за поддержкой к В. П. Потемкину — народному комиссару просвещения и руководителю исторической секции Комитета по Сталинским премиям, который, однако, не предпринял никаких шагов, чтобы оказать содействие и вернуть книгу в список номинантов. После этого в начале 1944 г. Панкратова обратилась в управление агитации и пропаганды ЦК с просьбой о повторном рецензировании написанной под ее руководством книги по истории Казахстана. Начальник управления Г. Ф. Александров дал на это отрицательный ответ, аргументировав его следующим образом: «1) книга антирусская, т. к. симпатии авторов на стороне восставших против царизма; никаких оправданий для России она не показывает; 2) книга написана без учета того, что Казахстан стоял вне истории и что Россия поставила его в ряд исторических народов» [4, с. 150]. Данный эпизод можно рассматривать в качестве показательного примера идеологической коллизии в советской интеллектуальной элите 1940-х гг. между сторонниками и противниками «русоцентризма», если использовать термин Д. Бранденбергера. Причем, расстановка сил в этом противоборстве была не вполне очевидной: Панкратова и ее единомышленники настойчиво, но безуспешно обращались в ЦК с просьбой официально прояснить ситуацию; в свою очередь, Александров также намеревался провести совещание, на котором была бы утверждена его линия, но и это оказалось затруднительно. В результате глава Агитпропа вынужден был ограничиться весной 1944 г. выступлением на уровне ряда докладных записок против историков, в работах которых «слабо освещены важнейшие моменты героического прошлого нашего народа, жизнь и деятельность выдающихся русских полководцев, ученых, государственных деятелей... Присоединение к России нерусских народов историками расценивается как абсолютное зло, а взаимоотношения русского народа и других народов России рассматриваются исключительно в аспекте колонизаторской политики царизма» [4, с. 152].

При этом Александров был последовательным сторонником руссоцентризма и проводил эту линию по крайней мере с начала 1940-х гг. Так, выступая на заседании редакции журнала «Под знаменем марксизма» и Института философии АН СССР 4 февраля 1941 г., он, в частности, критиковал «абстрактный подход» к советскому патриотизму в духе космополитизма и толстовства: «Есть целый ряд теоретических вопросов, которые нашими теоретическими работниками обходятся, не освещаются, хотя эти вопросы принадлежат к числу коренных вопросов современной внутренней жизни нашей родины и ее внешней политики. Так, например, в статьях на тему о советском патриотизме часто обнаруживается абстрактный подход к вопросу, не всегда подчеркивается историческое значение развития национального самосознания наших народов, в частности русского народа, проповедуются иногда неверные, космополитические взгляды. Эти космополитические взгляды не имеют ничего общего с ленинизмом, они, скорей, являются толстовством. Они приносят вред делу воспитания нашей молодежи». Таким образом, Александров уже до начала войны предложил формулу, которую Сталин использовал в выступлении 6 ноября 1941 г., основанную на апелляции к национальному самосознанию народов СССР с особым упоминанием именно русского народа [5, с. 152].

Очевидно, что данные установки должны были распространяться и на историко-философскую науку, особенно если учесть, что Александров был членом редколлегии многоотомной «Истории философии». Это нашло отражение в отчете о текущей деятельности Института философии в 1941 г., вышедшем 3 месяца спустя после публикации цитированного выше выступления главы советского Агитпропа и за месяц до начала войны, автор которого А. А. Макаровский следующим образом сформулировал «ответственную и трудную задачу», которая стоит перед коллективом создателей тома, посвященного истории философии народов СССР: «Трудность заключается не только в том, что впервые надо осветить важные исторические периоды в развитии философской мысли в истории народов СССР... необходимо еще проделать большую работу по выявлению подлежащего исследованию и освещению материала, который должен войти в историю философии народов СССР. Последнее отчасти относится и к истории философии русского народа. Если русская философия с конца XVIII в. уже была предметом изучения и, что особенно важно, о ней имеются ценнейшие руководящие указания классиков марксизма-ленинизма, то русская философская мысль более раннего периода, в частности эпохи феодализма, представляет собой в полном смысле слова «неисследованную землю». Но особенно большую работу предстоит проделать по изучению философии братских народов. Институт философии приступил к этой работе. Он предполагает ее осуществить при живейшем сотрудничестве научных работников других республик» [9 С. 133.].

О том, что «История философии народов СССР», к 1943 г. превратившаяся в «Историю русской философии», была проектом, патронируемым сторонниками руссоцентризма, свидетельствует и упомянутый выше факт нахождения текста статьи Быховского, подготовленной на основе его декабрьского доклада, в фонде В. П. Потемкина [2, ед. хр. 1, л. 1–16]. Она предназначалась для публикации в одном из первых номеров за 1944 г. журнала «Под знаменем марксизма», которая в итоге не состоялась в связи с принятием постановления ЦК, решением о прекращении издания «Истории философии» и изменениями в составе руководства Института философии, затронувшими также Быховского. Как член редколлегии главного философского журнала страны, Потемкин получал все редакционные материалы, но сохранял у себя лишь те, в которых принимал участие или был так или иначе заинтересован. Данный материал мог относиться к обеим категориям, поскольку вполне отвечал политико-идеологической линии Потемкина, который принадлежал к группе последовательных «руссоцентристов» в советской элите того времени и «полагал, что инстинктивной привязанности и любви к своей стране недостаточно и что основной задачей общеобразовательных школ является воспитание сложного и осознанного чувства национальной идентичности» [4, с. 160]. Учитывая высокий статус и влияние Потемкина в Правительстве и в Комитете по Сталинским премиям, можно предположить, что создатели «Истории русской философии» небезосновательно рассчитывали на поддержку с его стороны.

В заключение доклада Быховского сообщалось, что завершить работу над рукописью «Истории русской философии» планировалось к 31 декабря, когда должны были поступить недостающие главы о Добролюбове и Кропоткине.

Ученый совет принял по докладу Быховского решение к 15 января 1944 г. сдать том в издательство и обязать всех научных сотрудников Института полностью прочитать его в гранках. В соответствии с этим, в отчете Института философии за 1943 г., представленном в Отделение истории и философии АН СССР 11 января 1944 г., сказано, что VI том «Истории философии» объемом 55 п. л. написан и к 15 января работа над ним заканчивается, что в результате работы установлена марксистско-ленинская периодизация и классификация философских учений в России [3, ед. хр. 121, л. 2, 5об.]. При этом доработка текста продолжалась вплоть до мая 1944 г. 22 февраля 1944 г. дирекция постановила провести обсуждение VI тома [3, ед. хр. 141, л. 11]. 7 марта 1944 г. было принято решение заслушать на общеполитическом собрании авторов глав: Каменского о славянофилах и Асмуса о Соловьеве [3, ед. хр. 141, л. 12]. На докладе Каменского 18 апреля присутствовали сотрудники МГУ, Института истории и др. 25 апреля 1944 г. дирекция вернулась к вопросу о главе, посвященной философии славянофилов [3, ед. хр. 141, л. 15об.]. 4 апреля 1944 г. дирекция постановила ряд глав («Доломоновский период», «Младшее поколение русских материалистов XIX в.», «Материалистическая традиция русского естествознания») дать на рецензии специалистам, а главы о Ломоносове, просветителях, революционных демократах и идеалистических течениях второй половины XIX в. вынести на обсуждение всех сотрудников [3, ед. хр. 141, л. 13].

Работа над VI томом способствовала интенсификации институтских работ по истории русской философии в целом. 18 января 1944 г. дирекция рассмотрела сообщение Быховского о подготовке краткого курса по истории русской философии на основе материалов VI тома (20 п. л.) как учебника для вузов и системы партучебы. Быховский предложил распределить работу по книге между авторами-редакторами в соответствии с оглавлением VI тома и поручить разделы I–III О. В. Трахтенбергу, IV–VI–М.М. Розенталю, VII–VIII — В. Ф. Асмусу. Некоторым сотрудникам поручили написать для нее новые материалы (Каменскому о влиянии русской классической философии на передовых мыслителей народов России, Юдину — о Плеханове). Сроки для авторов были определены в 3 месяца, для авторов-редакторов — 4 месяца [3, ед. хр. 141, л. 8].

Весь этот процесс был прерван Постановлением ЦК 1 мая 1944 г., которое стало результатом январского письма Сталину проф. З. Я. Белецкого, в котором подвергалась критике трактовка классической немецкой философии в «Истории философии» и тем самым наносился удар по членам редколлегии этого издания (Александров, Быховский, Митин, Юдин). 29 февраля 1944 г. Александров направил на имя секретарей ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова и А. С. Щербакова письмо на 25 стр., в котором доказывалось, что в «Истории философии» проводится ленинская линия, а обвинения Белецкого являются отступлением от марксизма-ленинизма, ревизионизмом в духе Бернштейна [11, ед. хр. 254, л. 6–30]. Письмо Александрова находится в деле, содержащем документы возглавляемого им Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) за 1944 г. Непосредственно вслед за этим письмом идет подготовленная в Управлении записка на 17 стр., которая, наоборот, является обвинительным заключением против «Истории философии» и воспроизводит основные обвинения Белецкого

[11, ед. хр. 254, л. 31–47]. Записка не датирована и не подписана, но, по всей видимости, она составлена вскоре после письма Александрова, и по его же указанию. На основе этого текста была подготовлена редакционная статья для «Большевика», осуждающая «Историю философии», текст которой Александров направил Маленкову и Щербакову 3 мая 1944 г. [11, ед. хр. 254, л. 62–71]. В сопроводительной записке отмечалось, что статья написана «по Вашему поручению» и в нее включены характеристики, «данные в решении Политбюро» [11, ед. хр. 254, л. 61]. В статье речь шла только об оценках немецкой философии, поскольку только о них шла речь как в письме Белецкого, так и в решении Политбюро. Но принятие Постановления от 1 мая 1944 г. привело помимо осуждения тома по немецкой философии к остановке всего издания, включая историю русской философии.

Таким образом, Александров, пока мог, противодействовал осуждению «Истории философии», но после указаний секретарей ЦК в марте 1944 г. он присоединился к тем, кто педалировал это осуждение, стремясь обратить его против Митина и Юдина и, тем самым, отвести обвинения от себя. При этом критика неопубликованного тома по истории русской философии оказалась удобной возможностью доказать свою идеологическую ортодоксальность. 31 марта 1944 г. был составлен план мероприятий по укреплению пропагандистской и агитационной работы. Вот здесь и появляются впервые критические формулировки о VI томе и положении дел с русской философией: «Работники в области философии не вели серьезной работы по исследованию русской философии и культуры. Развитие русской философии изображалось как результат «влияний» западноевропейских философских систем, в частности немецкой классической философии. Подготовленный к печати Институтом философии VI том «Истории философии» — «Русская философия» содержит многочисленные ошибки. В целях ликвидации запущенности теоретической работы в области философии Управлению пропаганды и агитации необходимо провести следующие мероприятия:

1. Подвергнуть критике в печати работу Института философии, не обеспечившего разработки актуальных проблем марксистско-ленинской философии и истории русской философии. Раскритиковать ошибки, допущенные в трактовке немецкой идеалистической философии в томе III «Истории философии».

2. Дать глубокую критику в печати реакционной немецкой идеологии и реакционных фашистских идей.

3. Организовать углубленную творческую разработку научными работниками в области философии актуальных вопросов марксистско-ленинской философии, и прежде всего марксистско-ленинского учения о войнах и учения о советском государстве.

4. Подготовить к изданию основные труды представителей русской классической философии (Ломоносова, Радищева, Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Плеханова). Создать ряд научных монографий о русских философах-материалистах, показав в них самостоятельность и оригинальность русской передовой философии, ее роль и значение в развитии мировой культуры. Пересмотреть и заново подготовить том «Истории философии», посвященный истории русской философии.

5. Коренным образом улучшить содержание журнала «Под знаменем марксизма», для чего привлечь к участию в журнале наряду с научными работниками по философии видных представителей советского естествознания, деятелей литературы и искусства, лучших советских экономистов и общественно-политических деятелей» [11, с. 524–525].

Характерно, что в само Постановление ЦК подобные пассажи не попали — заказа от Сталина на них не было. Но они появились в установочной статье В. И. Светлова и докладе на институтском собрании, а затем были развиты в статьях М. Т. Иовчука и других философских руководителей. Несмотря на идеологическую критику в адрес тома со стороны нового философского руководства, вышеизложенный доклад Быховского позволяет считать, что новая патриотическая программа изучения истории русской философии, которая затем продвигалась такими организаторами науки, как Иовчук и Светлов, в значительной степени опиралась на концептуальные разработки авторского коллектива создававшегося в годы Великой отечественной войны VI тома «Истории философии». При этом постановка ряда вопросов в программе тома может быть признана даже более смелой и «русофильской» — в частности, о самобытности русской философии и ее национальных чертах, о мировом значении русской философии и ее антично-христианских истоках, в части определенной реабилитации целых направлений русской мысли, в позиционировании русской философии как целостного феномена, в рамках которого материализм и идеализм объединены общими чертами, выражающими народность и практическую ориентированность. В случае публикации «Истории русской философии», реализация положенной в его основу концепции сделала бы невозможным дальнейшее замалчивание и недооценку многих важнейших имен и направлений в русской философии, что обеспечило бы не только более полную репрезентацию национального философского наследия в отечественной культуре, но и придало бы самосознанию общества большую целостность и основательность, а значит — устойчивость перед лицом будущих исторических вызовов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Г. Ф. «История философии» // Вестник АН СССР. 1941. № 4. С. 52–57;
2. Архив РАН. Фонд 574. Потемкин Владимир Петрович. Описание 5. Труды других лиц в фонде Потемкина В. П.;
3. Архив РАН. Фонд 1922. Институт философии РАН. Описание 1. Управленческая документация Института философии РАН;
4. Бранденбергер Д. Л. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). Пер. с англ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 407 с.;
5. К 10-летию постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма». Краткий отчет о заседании редакции журнала «Под знаменем марксизма» и Института философии Академии наук СССР, посвященном 10-летию постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» // Под знаменем марксизма. 1941. № 2. С. 141–155;

6. Каменский З. А. Философская дискуссия 1947 года (преимущественно по личным воспоминаниям) // Отечественная философия: опыт, проблемы, перспективы исследования. — М., 1991. Вып. 6. С. 8–29;
7. Корсаков С. Н. «Откуда есть пошла» история русской философии как учебный курс // Вопросы философии. 2019. № 6. С. 141–147;
8. Корсаков С. Н., Черняев А. В. Сто лет изучения истории русской философии в Институте философии. Статья первая // Русская философия. 2021. № 1. С. 112–128;
9. Макаровский А. А. В Институте философии Академии наук СССР // Под знаменем марксизма. 1941. № 5. С. 132–138;
10. От редакции / История философии / Под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина. Т. I. М., 1940. 492 с.;
11. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны / Сост.: А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 2007. 806 с.
12. Сталин И. В. Сочинения. Т. 15 (1941–1945 гг.). М.: «Писатель», 1997. 248 с.